

ИЗМЕНЧИВОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Abstract: The article focuses on changeability and variability of lexicographic definitions of word meanings given by Russian and English dictionaries. On the basis of various types of lexical units in Russian and English, changeability of definitions as an answer of a lexicographer to new knowledge about the phenomena represented by the words is demonstrated, while variability of lexicographic descriptions in contemporary dictionaries rooted in different types of knowledge explicated within the definitions is viewed as a result of the specific relationship which exists between meanings of the words and the conceptual structures represented.

Key words: meaning, conceptual structure, definition, changeability, variability

Востребованная к жизни тысячелетия тому назад потребностями общества в обеспечении эффективной коммуникации, лексикографическая практика, как один из важнейших видов лингвистической деятельности, прошла трудный путь успешного разрешения сложнейших лексикографических проблем и обрела статус системной, в которой, по утверждению Ю. Д. Апресяна, главным принципом лексикографического описания становится дескрипция каждой лексемы как элемента определенного лексикографического типа. Следуя этому принципу, лексикограф ставит перед собой задачу „улавливать повторяющиеся черты лексических единиц и единообразно представлять их в словаре“ (Апресян 1995: 390). Насколько велик прогресс в решении разных лексикографических проблем, особенно в области унификации толкований слов единого лексического поля, производных слов и т.д., легко увидеть по многочисленным словарям, изданным в последние десятилетия в разных странах.

Однако, констатируя значительные шаги, сделанные лексикографией в создании лексикографического портрета, который понимается, вслед за Ю. Д. Апресяном, как „исчерпывающая и неизбыточная характеристика всех лингвистически существенных свойств данной лексемы“ (Апресян 1995: 391), следует тем не менее признать, что и сегодня задача адекватного описания значения лексических единиц предстает как неразрешимая проблема, снять которую, по мнению многих лингвистов, вряд ли удастся, по крайней мере, в ближайшем и даже более отдаленном будущем. И это не случайно. Предназначенные для самого широкого пользователя и направленные в первую очередь на экономное и одновременно исчерпывающее описание значения /

значений слов того или иного языка, толковые словари, многие из которых, особенно национальные, снискали наибольший и зачастую непререкаемый авторитет, заключают в лексических значениях толкуемых слов огромное богатство знаний, приобретенных языковым коллективом в результате своей деятельности. В них в специфической форме и особым образом отображается окружающий нас мир, точнее наше его осознание и видение, наша практика его освоения. Тем самым в значении слова, этой самой сложной единице языка, как отмечает Н. Ю. Шведова, „репрезентированы одновременно реальная действительность, мысль и язык“ (Шведова 1984: 7), которые к тому же находятся в постоянном движении.

Динамика репрезентируемого в лексических значениях слов человеческого знания, как научного, так и обыденного, отразить которое в его существенных чертах и призвана лексикографическая дефиниция, диктует изменчивость лексикографических дескрипций, наиболее ярко наблюдаемую в толковых словарях разных временных срезов. Сравнение лексикографических источников в двух лексикографических традициях (русскоязычной и англоязычной) приводит к однозначному и неопровержимому выводу о серьезных временных различиях в знании таких важных для человеческого существования явлений, как например, воздух, вода и др., и соответственно кардинальных отличиях в трактовке лексических значений соответствующих слов в разных по времени издания лексикографических источниках. Ср., например, определение, данное слову *воздух* в *Толковом словаре живого великорусского языка* Владимира Даля (Даль 1989) (*воздух* м. среда, окружающая земной шаръ и образующая атмосферу его (колоземицу, міроколицу); тонкая и упругая, прозрачная жидкость (жижа, рѣжа, среда), которою мы дышимъ. ... Нашъ воздухъ состоитъ изъ двухъ газовъ (кислорода 21, селитротвора 79 долей, по объему) и водяныхъ паровъ, кромъ частички углекислаго газа и др. случайныхъ испарений...); в *Толковом словаре русского языка* Д. Н. Ушакова (Ушаков 1935) (*ВОЗДУХ*, воздуха, мн. нет, м. Сложное газообразное тело, составляющее атмосферу земли (физ.). Воздух. состоит гл. обр. из кислорода и азота); в *Словаре русского языка* под ред. А. П. Евгеньевой (Евгеньева 1999) (*воздух* – смесь газов, составляющая атмосферу Земли); в *Словаре русского языка* под ред. С. А. Кузнецова (*воздух* – Смесь газов (преимущественно азота и кислорода), из которых состоит атмосфера Земли; дыхательная среда человека, живого организма) (Кузнецов 1998). Аналогичным образом в определениях английского слова *air* воздух, начиная с 60-ых гг., вводятся уточнения относительно состава газов, из которых состоит воздух Ср. определение слова *air* в словаре английского языка (ср. a gas (Collins 1956), a **mixture** of oxygen and nitrogen (Cassel 1969), mixture **mainly** of oxygen and nitrogen (Australian COD 1987), the mixture of gases that forms the earth's atmosphere... consists of ... nitrogen, ...oxygen, ...argon, ... carbon dioxide, ...ozone and inert gases... (Collins 2000). В более поздних изданиях, с 90-ых гг., в толкования лексического значения *air* вводится семантический

компонент „pollution ‘загрязнение’“ в виде отсылки к слову pollution (Collins Cobuild 2004) или в виде соответствующего иллюстративного примера (Cambridge International Dictionary of English 1995), или в виде коллокации **air pollution** (Cambridge Learner’s Dictionary 2001). **Концептуальные различия** дефиниций одного и того же лексического значения в зависимости от временного периода, а также **несовпадение толкований этих слов с толкованиями** в специальных физических и химических справочниках, в которых они получают научное описание, говорят о стремлении лексикографов как можно точнее следовать научному прогрессу в трактовке тех или иных явлений и соответственно их стремлении дать пользователям словарей наиболее соответствующие времени ориентиры к пониманию репрезентируемых сущностей, отражая изменчивость окружающей действительности и динамику нашего концептуального мира, регистрируя **в словарных описаниях лексических значений** новые прагматически важные кванты знания, модифицируя лексикографические дефиниции и тем самым видоизменяя лексикографический дискурс. Изменчивость лексикографической дефиниции таким образом – естественное для лексикографии явление. Это не что иное как следование лексикографов за изменением знаний о мире как в научной, так и в наивной картине мира, и зависят такие изменения от темпов изменения собственно знаний, прежде всего, **научных. Мы оставляем в стороне изменения денотативных и стилистических компонентов семантики лексических единиц, положительных или отрицательных коннотаций слов, вызванных изменениями нормативно-ценностной системы представлений о мире и сменой идеологических, политических и т.д. установок.** См. подробнее (Харитончик 2012: 387–400).

Иное дело вариативность лексикографических дефиниций, или различия в лексикографических описаниях, наблюдаемые в разных словарях одного и того же периода времени или в близкие периоды времени, или же в разных изданиях одного и того словаря, отстоящих одно от другого на одно-два десятилетия. Взятые для анализа базовые лексические единицы в русском языке типа *птица, рыба, жизнь, счастье, любовь* и др. и их английские корреляты *bird, fish, life, happiness, love*, как показывает исследование, получают разные трактовки в разных словарях и разных изданиях одного и того словаря. Иногда эти различия сводятся к разной организации приводимой информации и лексическим (гиперо-гипонимическим, синонимическим и т.д.) заменам некоторых частей дефиниции, как это имеет место в экспликации основного значения слова *птица* в словаре Ожегова: „Покрытое **перьями и пухом** позвоночное животное с крыльями, двумя **конечностями** и клювом“ (Ожегов, Шведова 2001) и в словаре Кузнецова: „Покрытое **пухом и перьями** позвоночное животное с крыльями, двумя **ногами** и клювом“ (Кузнецов 2002), или ранее приведенного слова *воздух* в 1-ом издании словаря Кузнецова: „Смесь газов (преимущественно азота и кислорода), из которых состоит атмосфера Земли; дыхательная среда человека, живого организма“ (Кузнецов 1998) и во

втором его издании: „Смесь газов, составляющая земную атмосферу (преимущественно азота и кислорода), из которых состоит атмосфера Земли; дыхательная среда живого организма“ (Кузнецов 2002) и др.

Наибольший интерес, однако, представляют собой те лексикографические описания, различия в которых затрагивают типы передаваемой информации, как это наблюдается, например, в толкованиях основного значения слова *рыба*. Если в словаре Ожегова в дефиниции дается указание на то, что словом *рыба* называется „Позвоночное водное животное с конечностями в виде плавников, дышащее жабрами“ (Ожегов, Шведова 2001), то в *Словаре русского языка* под редакцией Евгеньевой данная информация расширяется за счет указания кожи, покрытой чешуей (реже – костными пластинками или голой): „**РЫБА**, -ы, ж. 1. Дышащее жабрами водное позвоночное животное с конечностями в виде плавников и с кожей, покрытой чешуей (реже – костными пластинками или голой)“ (Евгеньева 1999). Еще один, новый квант информации о рыбе добавляется в толковании слова *рыба* в словаре Кузнецова, согласно которому данным словом обозначается „Водное позвоночное животное с непостоянной температурой тела, дышащее жабрами и имеющее плавники“ (Кузнецов 2002). Данное определение наиболее близко дефиниции слова *рыба* в 17-томном *Словаре современного русского литературного языка*: „**РЫБА** 1. Живущее в воде позвоночное животное с конечностями в виде плавников, дышащее жабрами, с холодной кровью и с кожей, покрытую обычно чешуею“ (Словарь 1961).

Аналогичная картина информационных несоответствий наблюдается и в словарях английского языка. Так, в Кембриджском учебном словаре указывается на то, что рыба – это водное животное, покрытое чешуей и дышащее через рот („an animal which lives in water, is covered with scales, and which breathes by taking water in through its mouth“) (Cambridge Learner’s Dictionary 2001). В учебном словаре Лонгман толкование слова *fish* включает указание на то, что это водное животное, плавающее с помощью плавников и хвоста („An animal that lives in water, and uses its fins and tail to swim“) (Longman 2009), к которому в словаре Коллинза добавляется то, что существует множество видов рыб („A fish is a creature that lives in water and has a tail and fins. There are many different kinds of fish“) (Collins 2000).

Немало разногласий в наборе характеристик, составляющих дефиницию слова, находим мы и в лексикографических определениях других денотатных слов типа *вода*, *соль*, *дуб*, *береза* и т.д. в русском языке и их коррелятов в английском языке.

Важно подчеркнуть, что указанная вариативность присуща лексикографическим дефинициям не только денотатных слов, являющихся по своей природе жесткими десигнаторами и обозначающих сущности, обладающими многими свойствами. Аналогичная картина характерна и для предикатных слов, составляющих абстрактную лексику. Так, слово *жизнь* в словаре Ожегова трактуется как „Совокупность явлений, происходящих в организмах,

особая форма существования материи“ (Ожегов, Шведова 2001). В словаре под редакцией Евгеньевой к этому добавляется ссылка и к неорганическому миру: „Форма существования материи, совокупность явлений, происходящих в органическом и неорганическом мире, их бытие“ (Евгеньева 1999). Авторы словаря под ред. Кузнецова, указывая, что жизнь – это особая форма существования материи, считают необходимым сообщить, что жизнь возникает на определенном этапе развития материи и связана с обменом веществ: „**ЖИЗНЬ** -и; ж. Особая форма существования материи, возникающая на определённом этапе её развития, основным отличием которой от неживой природы является обмен веществ“ (Кузнецов 1998). Различаются в разных словарях и определения, даваемые слову *счастье*. Если в словаре Ожегова, Шведовой *счастье* трактуется как „Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения“ (Ожегов, Шведова 2001), то в словаре Кузнецова к этому добавляется „чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-л.; внешнее проявление этого чувства“ „**СЧАСТЬЕ** 1. Состояние высшей удовлетворённости жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-л.; внешнее проявление этого чувства“ (Кузнецов 2002).

Интересны и видоизменения лексикографических дефиниций, наблюдаемые в разных изданиях одного и того же словаря. Так, Ожегов 1960, трактует слово *любовь* как „1. Чувство самоотверженной, сердечной привязанности 2. Склонность, пристрастие к чему-л.“ (Ожегов 1960). В издании словаря Ожегова 1990: **ЛЮБОВЬ** „1. Чувство самоотверженной и глубокой привязанности, сердечного **влечения**. 2. Склонность, пристрастие к чему-л.“ (Ожегов 1990). А в словаре Ожегов, Шведова 2001 слово *любовь* получает следующее определение: „1. **Глубокое эмоциональное влечение, сильное, сердечное чувство** 2. Чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности 3. Постоянная сильная склонность, увлеченность чем-н.“ (Ожегов, Шведова 2001). Очевидно, что авторы словаря, помимо разного членения семантического пространства, обозначаемого словом *любовь* в русском языке, на отдельные значения (еще одна кардинальная лексикографическая проблема) вводят в его определение такие характеристики, как глубина, сила, постоянство и др.

Можно и далее приводить примеры различий в лексикографических определениях одних и тех же слов в разных словарях и разных изданиях одного и того же словаря. Главное, однако, заключается в поиске объяснений самой возможности разного информационного наполнения словарного толкования одной и той же лексической единицы. Некоторые склонны усматривать в описанной вариативности дефиниций лексикографический произвол и соответственно критиковать лексикографов за то, что в выборе необходимых и достаточных признаков, или, согласно когнитивной лингвистике, прототипических свойств, совокупность которых и составляет лексическое значение слова, они вместо того, чтобы разрабатывать объективные определения, соответствующие времени, имеющимся научным представлениям и отвечающие

коммуникативным потребностям языкового коллектива на данном этапе его развития, следуют своим прихотям. Мы, однако, глубоко убеждены, что при всех имеющихся недостатках лексикографических определений в них никоим образом не царят произвол и хаос. Вариативность лексикографических определений обуславливается самой динамичной природой лексических значений как репрезентантов соответствующих концептуальных структур нашего сознания. Неразрывная связь лексических значений языковых единиц с репрезентируемыми концептуальными структурами, также динамичными и открытыми по своей природе, является для лексикографа определяющей. Открывая доступ к нашему концептуальному миру (Croft, Cruse 2004) и связывая нас с концептуальными структурами, как об этом пишет Р. Джакендофф (Jackendoff 2002: 306), язык одновременно создает определенную свободу выбора тех квантов знания, которые становятся представителями всей концептуальной структуры. Вспомним в этой связи высказывание Д. Болинджера, который утверждал: „Словари существуют не для того, чтобы давать определения, а для того, чтобы помочь людям уловить значения, и главная их задача в достижении данной цели заключается в разработке ряда намеков и подсказывающих ассоциаций, соотносящих неизвестное с чем-то известным. Упорядоченность и очевидная системность словаря – скорее результат нашего инстинктивного стремления к упорядоченности, нежели необходимость, вытекающая из сущностных характеристик описываемого материала. Словарь выполнил свою задачу, если создал для читателя (пользователя) опору в его собственном опыте – путем использования пары синонимов, диаграммы, контекста, сравнения, связанного с любой подходящей точкой референции. Чтобы быть хорошим лексикографом-практиком необходимо скорее уметь принимать во внимание широкую сеть ассоциаций, нежели быть сильным теоретиком. Успех словаря обусловлен не игнорированием нашего знания мира, но достигается благодаря этому знанию и через него“ (Bolinger 1965: 572). (Перевод наш – З. Х.).

Из всего широкого диапазона возможных ассоциаций, подсказываемых концептуальной структурой и становящихся видимыми в „окне“ лексического значения, наиболее стабильным и обязательным, как показывают исследования, являются: а) знания о принадлежности обозначаемого к классу или категории; б) таксономические данные, свидетельствующие о важности научного знания, ставшего или становящегося неотъемлемой частью наших представлений об окружающем нас мире; в) дифференцирующие признаки, число которых, по-видимому, подсказывается лексикографу имеющимися в его распоряжении контекстами. Контексты, полученные нами относительно употребления слова *рыба* из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), подтверждают данное наблюдение.

Становится также очевидным, что лексикографический дискурс, формирующий определенный и специфический тип социально значимого дискурса,

управляется теми же закономерностями, что и коммуникация в целом. Для ее успешности мы при всем многообразии и разнообразии нашего индивидуального и соответственно субъективного концептуального мира должны ориентироваться, естественно, интуитивно, на те аспекты значения, или те участки концептуальных структур, которые, по нашему мнению, значимы для нашего слушателя. „И когда, – как пишет Р. Джакендофф, – „я не знаю, кто составляет мою аудиторию, за исключением того, что они говорят по-английски, я должен выбрать подходящий нейтральный или минимальный смысл, который, возможно, и имел в виду Фреге, называя его публичным“ (Jackendoff 2002: 284–285). Лексикограф, следуя „принципу кооперации“ Грайса, предлагая свое определение лексического значения в толковом словаре, также выстраивает его таким образом, чтобы пользователь словаря смог его реконструировать и соответственно, на базе лексикографической справки, реконструировать смысл, вкладываемый в это слово его собеседником. Итак, изменчивость и вариативность лексикографических определений как видоизменения лексикографического дискурса отражают, с одной стороны, изменчивость окружающей действительности и динамику нашего концептуального мира, регистрируя в словарных описаниях лексических значений новые прагматически важные кванты знания. С другой стороны, лексикографическая практика призвана учитывать и невероятно широкий круг участников лексикографического дискурса, давая пользователям словарей наиболее общие, но соответствующие языковым явлениям и времени ключи к пониманию репрезентируемых сущностей.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1995:** Апресян, Ю. Д. *Избранные труды. Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва: Школа „Языки русской культуры“. 767 с.
- НКРЯ: Национальный корпус русского языка** <<http://ruscorpora.ru>>
- Харитончик 2012:** Харитончик, З. А. Изменившийся мир в зеркале лексики русского языка. // *Мовні і концептуальні картини світу*. Випуск 39. Київський національний університет імені Тараса Шевченка: Київський університет, С. 387–400.
- Шведова 1984:** Шведова, Н. Ю. Об активных потенциях, заключенных в слове. // *Слово в грамматике и словаре*. Москва: Наука, с. 7–15.
- Bolinger 1965:** Bolinger, D. The Atomization of Meaning. // *Language*. Vol. 41, № 4, p. 555–573.
- Croft, Cruse 2004:** Croft, W. and D. A. Cruse. *Cognitive Linguistics*. London: Oxford University Press. 356 p.
- Jackendoff 2002:** Jackendoff, R. *Foundations of language. Brain. Meaning. Grammar. Evolution*. Oxford: Oxford University Press. 477 p.

СЛОВАРИ

- Даль 1989:** Даль, Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах. Москва: Русский язык.
- Евгеньева 1999:** Словарь русского языка. В 4-х т. Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Русский язык, Полиграфресурсы.
- Кузнецов 1998:** Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт.
- Кузнецов 2002:** Современный толковый словарь русского языка. Автор проекта и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт.
- Ожегов 1960:** Ожегов, С. И. Словарь русского языка. Изд. 4-е, испр. и доп. Москва: Гос. изд-во иностранных и нац. словарей.
- Ожегов 1990:** Ожегов, С.И. Словарь русского языка. 22-е изд. Под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: Русский язык.
- Ожегов, Шведова 2001:** Ожегов, С. И, Н. Ю.Шведова. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. Москва: Азбуковник.
- Словарь 1961:** Словарь современного русского литературного языка. Москва, Ленинград: Изд-во Академии Наук.
- Ушаков 1935:** Толковый словарь русского языка. В 4 т. Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. 1. Москва: Государственный институт „Советская энциклопедия“ ОГИЗ, 1935; Т. 2. Москва, 1938; Т. 3. Москва, 1939; Т. 4, Москва, 1940.
- Australian COD 1987:** The Australian Concise Oxford Dictionary of Current English based on the Concise oxford Dictionary of Current English. 7th edition, edited by J. B. Sykes. Melbourne Oxford University Press, 1987 (1st Australian ed. – 1987).
- Cambridge International Dictionary of English 1995:** Cambridge International Dictionary of English. Cambridge University Press.
- Cambridge Learner’s Dictionary 2001:** Cambridge Learner’s Dictionary. CUP 1st published 2001.
- Cassel 1969:** Cassel’s English Dictionary. Completely revised and enlarged by Arthur L. Hayward and John J. Sparkes. Cassel. London. Fourth edition, second impression 1969 (1st – 1962, 2nd – 1964, 3rd – 1966, 4th – 1968).
- Collins 1956:** Collins New English Dictionary. Ed. under the direction of Alexander Irvine. London and Glasgow: Collins. First published 1956, reprinted 1970.
- Collins 2000:** Collins English Dictionary Millennium Edition. HarperCollins Publishers Glasgow. 4th edition, 1998 (1979, 1986, 1991, 3rd ed. updated 1994).
- Collins Cobuild 2004:** Collins Cobuild Compact English Learner’s Dictionary. 1st ed. 2004. Great Britain.
- Longman 2009:** Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education Limited.